

ИЗЪ ДАЛЕКАГО ПРОШЛАГО.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ волею судебъ я вынужденъ былъ скитаться по нѣкоторымъ уѣздамъ болотистой N—ской губерніи въ роли офицера, производящаго военноконскую перепись. Хотя командировка эта и считается очень завидной среди строевыхъ офицеровъ, но не могу не сознаться, что, благодаря сравнительно рѣдкому населенію той части губерніи, гдѣ сосредоточилась моя дѣятельность, мнѣ часто приходилось мысленно жаловаться на горькую судьбу, заставившую меня въ дождливые сентябрьскіе дни въ плохонькой телѣжкѣ, запряженной парой тощихъ крестьянскихъ лошадеенокъ, тащиться съ одного сборнаго пункта на другой по убійственно-грязной проселочной дорогѣ, не встрѣчая на своемъ пути, въ разстояніи порою 20-ти верстъ, ни одного жилья, въ которомъ можно-бы было обсушиться и обогрѣться.

Въ одно изъ подобныхъ странствованій, когда я былъ по обыкновенію мокръ, голоденъ и золь до послѣдней степени, судьбѣ, видимо, угодно было сжалиться надо мною. Я очутился неожиданно для самого себя и, какъ это ни странно, неожиданно и для моего возницы у воротъ помѣщичьей усадьбы, расположенной на крутомъ, обрывистомъ берегу озера, принадлежащей, какъ оказалось впо-

слѣдствіи, отставному маіору N-го гусарскаго полка, Николаю Алексѣвичу Иртеневу, сохранившему, несмотря на свой преклонный возрастъ, полную энергію духа и силъ и продолжавшаго страстно любить военную службу и всѣхъ ея представителей.

Несомнѣнно поэтому, что вымокшій, усталый, голодный офицеръ не могъ не обратить на себя должнаго вниманія стараго маіора, давно уже отставшаго отъ военной жизни и, быть можетъ, давнымъ давно не выдавашаго военнаго мундира, въ своей, всѣми забытой глуши.

Даже сейчасъ, спустя уже много лѣтъ, не могу не вспомнить безъ наслажденія тѣ первыя минуты, когда, послѣ продолжительнаго кочевого образа жизни и ночевокъ въ грязныхъ крестьянскихъ избахъ, я очутился въ уютной, теплой комнатѣ, предоставленной въ мое распоряженіе гостепріимнымъ хозяиномъ и могъ въ ней съ комфортомъ вымыться, пообчиститься, переодѣться въ свѣжее бѣлье и отдохнуть...

Николай Алексѣвичъ Иртеневъ былъ тѣмъ офицеромъ добраго стараго времени, для котораго весь смыслъ и цѣль жизни сосредоточивались въ беззавѣтно любимомъ военномъ дѣлѣ. Выйдя въ отставку въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, послѣ окончательнаго усмиренія польскаго возстанія 1863 года, во время котораго, въ одной изъ мелкихъ стычекъ съ повстанцами, онъ получилъ сабельную рану въ лицо, лишившую его въ первый моментъ сознанія, а затѣмъ и возможности продолжать военную службу, такъ какъ потеря сознанія повлекла за собою паденіе съ коня и серьезный переломъ ноги, Иртеневъ удалился въ свою деревню и всецѣло посвятилъ себя хозяйству. Въ то время, когда судьба столкнула меня съ нимъ, онъ доживалъ свой вѣкъ, боготворимый окрестными крестьянами за свое доброе сердце и чуткую, отзывчивую душу.

Познакомивъ читателя въ краткихъ чертахъ съ личностью моего героя, воспоминаніе о которомъ до сего времени вызываетъ во мнѣ чувство глубокаго къ нему уваженія, я не могу не вспомнить эпизода, рассказаннаго мнѣ старикомъ въ одинъ изъ тѣхъ глухихъ сентябрьскихъ вечеровъ, которые мнѣ довелось провести подъ гостепріимнымъ кровомъ его дома.

* * *

Въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія эскадроны N-го гусарскаго полка были разбросаны по маленькимъ деревушкамъ

* * губерніи. Въ лучшемъ случаѣ каждому эскадрону приходилось быть размѣщеннымъ въ одной деревушкѣ, въ большинствѣ же стояли по-взводно и молодымъ офицерамъ отъ гнетущей скуки не оставалось другого выхода, какъ пьянствовать или же коротать все свободное отъ службы время у окрестныхъ помѣщиковъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревушки, въ которой стоялъ со своимъ взводомъ Иртеневъ, находилась роскошная усадьба Ковальскихъ, симпатичной и гостепріимной семьи, состоявшей изъ старика вдовца лѣтъ 65 и его двухъ дочерей Зоси и Фарнуса, дѣвушекъ 21 и 18 лѣтъ, славившихся на всю округу своей красотой.

Естественно, что присутствіе поблизости двухъ красавиць-барышень не могло заставить молодого офицера оставаться равнодушнымъ къ этому обстоятельству и онъ, отказавшись разъ навсегда отъ поѣздокъ къ сосѣдямъ товарищамъ для пьянства и картежной игры, зачастилъ къ Ковальскимъ, гдѣ постоянно являлся желаннымъ гостемъ.

Иртеневъ, какъ и слѣдовало ожидать, вскорѣ безумно влюбился (какъ ему казалось самому) сразу въ обѣихъ барышень и его скучная, однообразная жизнь въ жидовской деревушкѣ съ этого времени озарилась яркимъ свѣтомъ. Какъ всѣмъ влюбленнымъ, міръ сталъ казаться ему прекраснымъ, а грязные, пейсатые жида, которыхъ онъ наблюдалъ съ утра до вечера въ своей деревушкѣ— добрыми патріархальными евреями, не лишенными весьма многихъ хорошихъ качествъ и совсѣмъ ужъ не такими грязными.

Зося и Фарнуся, въ свою очередь, не остались равнодушными къ молодому офицеру и неизвѣстно чѣмъ кончилась бы эта идиллія, если-бъ не грянуло польское возстаніе, рѣзко измѣнившее, какъ читатель увидитъ ниже, всю послѣдующую картину чистаго романа трехъ юныхъ, нетронутыхъ сердець.

При первыхъ же повстанческихъ выстрѣлахъ, разбросанные эскадроны N-го гусарскаго полка были стянуты къ губернскому городу и началась тяжелая боевая жизнь полка. Ежедневные офицерскіе разъѣзды гусарь, подобно паутинѣ, оплетали окружающую мѣстность, разыскивая повстанческія шайки, производя поголовные обыски у населенія, въ поискахъ оружія, боевыхъ припасовъ и проч..

Прошло немного времени и серьезныя основанія допустили возможность предположить, что старикъ Ковальскій не остался безучастнымъ къ волненію, охватившему польское общество.

Командиромъ N-го гусарскаго полка было получено приказаніе нарядить офицерскій разъѣздъ, съ цѣлью осмотрѣть усадьбу Ковальскаго и, если обнаружится что либо компрометирующее или же установлено будетъ, что въ ней формируются банды, немедленно арестовать всю семью и препроводить ее на заключеніе въ ближайшій губернскій городъ.

Выборъ полкового командира палъ на Иртенева, во-первыхъ, потому, что эскадронъ его стоялъ ближе другихъ къ усадьбѣ Ковальскаго, а, во-вторыхъ, не безызвѣстно было, что молодой офицеръ принятъ у старика, какъ свой человѣкъ, а слѣдовательно ему хорошо должно быть извѣстно какъ расположеніе усадьбы и командовать дома, такъ и порядки, установившіеся въ немъ.

Неизвѣстно почему, но послѣдовало приказаніе штаба дивизіи придать къ разъѣзду, на который было возложено это порученіе, нѣсколько казаковъ отъ стоявшаго невдалекѣ казачьяго полка.

Можно себѣ представить, какъ неприятно пораженъ былъ мой Иртеневъ возложеннымъ на него служебнымъ порученіемъ. На его губахъ еще не остыли поцѣлуи, которые дарила ему очаровательная панна Зося въ тѣнистыхъ каштановыхъ аллеяхъ громаднаго парка. Его сердце такъ сильно билось при одномъ воспоминаніи о послѣднемъ своемъ визитѣ къ Ковальскимъ, когда панна Фарнуся, подъ аккомпаниментъ своей сестры, спѣла ему свой любимый романсъ, слова котораго такъ прозрачно говорили ему о ея сильномъ чувствѣ, а теперь все рушится изъ за того, что поляки вздумали бунтовать.

— И что имъ надо въ самомъ дѣлѣ? разсуждалъ самъ съ собою Иртеневъ. Сидѣли бы себѣ смирно и наслаждались прелестью жизни. Міръ такъ хорошъ, такъ много я могъ бы вкусить счастья, а теперь изъ за глуныхъ бредней все должно рушиться и мои мечты разлетятся, какъ дымъ...

Такъ или иначе надо было ѣхать въ штабъ полка за полученіемъ послѣднихъ инструкцій и приказаній.

Отпуская Иртенева и протягивая ему руку, полковой командиръ закончилъ:

— Итакъ, поручикъ, я увѣренъ, что вы отнесетесь къ этой возложенной на васъ задачѣ такъ же, какъ вы исполняли раньше всѣ служебныя порученія. Порученіе не легкое, я знаю. Вы—человѣкъ достойный полнаго уваженія и, зная вашъ тактъ, я не сомнѣваюсь, что вы съ честью выйдете изъ этого положенія, не забывъ при этомъ долга службы...

Во второмъ часу ночи разъѣздъ лихихъ N-хъ гусарь съ приданными къ нему казаками подходилъ на рысяхъ къ объятай мирнымъ сномъ усадьбѣ Ковальскихъ.

Грустно было на душѣ у Иртенева: каждый кустикъ, каждая тропинка, мимо которыхъ онъ теперь проходилъ, были дороги ему по воспоминаніямъ и извѣстны до мельчайшихъ подробностей.

Подойдя къ массивнымъ запертымъ воротамъ, которые вели въ усадьбу, Иртеневъ остановилъ разъѣздъ и, приказавъ людямъ спѣшиться, сталъ обдумывать дальнѣйшій планъ своихъ дѣйствій. Онъ сознавалъ, что возложенное на него порученіе онъ лучше всего выполнилъ бы единолично безъ сопровождавшихъ его людей, которые своимъ видомъ могли бы преждевременно напугать мирно спящихъ обитателей усадьбы.

Конечно, главная его мысль была направлена къ желанію охранить возможно больше покой дѣвушекъ, такъ какъ его юное сердце не могло допустить и мысли, чтобы онѣ могли быть такъ или иначе причастны къ возстанію, охватившему яркимъ пламенемъ пожара весь западный край.

Времени, однако, терять было нельзя, а потому, приказавъ людямъ оцѣпить усадьбу со всѣхъ сторонъ, Иртеневъ, въ сопровожденіи своего взводнаго унтеръ-офицера и одного изъ казаковъ, урядника Кудряшева, направился къ подъѣзду столь хорошо знакомаго ему дома.

Этотъ Кудряшевъ сыгралъ довольно важную роль въ событіи, свершившемся спустя нѣкоторое время, а потому я позволю себѣ нѣсколько остановиться на его личности.

Это былъ здоровый, широкоплечій дѣтина съ окладистой рыжей бородой, котораго природа надѣлила въ избыткѣ хитростью лисицы и не малой смекалкой.

Не отдавая себѣ яснаго отчета оцѣли прикомандированія своего къ гусарскому разъѣзду, онъ своимъ умомъ рѣшилъ, что на его обязанности лежитъ поучить молодого офицера, какъ надо нести службу. Взявъ поэтому на себя обязанность быть руководителемъ дальнѣйшихъ дѣйствій Иртенева, онъ, привыкнувъ во всѣхъ случаяхъ жизни къ рѣшительнымъ мѣрамъ, предложилъ Иртеневу первымъ дѣломъ взломать парадную дверь дома, но, получивъ отъ послѣдняго соответствующее внушеніе, счелъ себя оскорбленнымъ и, поглядывая звѣремъ по сторонамъ, рѣшилъ въ дальнѣйшемъ хранить упорное молчаніе, затаивъ однако же желаніе насолить

при случаѣ «армейскому»¹⁾ офицеру, обошедшемуся съ нимъ такъ сурово.

Позвонивъ у подъѣзда, Иртеневу долго пришлось ожидать, пока старикъ-дворецкій, шлепая туфлями, появился у двери и зашпаннымъ голосомъ спросилъ нарушителей его покоя: «кто они и что имъ нужно въ столь поздній часъ?»

Узнавъ однако же голосъ знакомаго пана-офицера, онъ быстро распахнулъ передъ нимъ дверь, но тотчасъ же въ ужасѣ отскочилъ въ противоположный уголъ комнаты, видя какъ послѣдняя наполняется вооруженными людьми.

Обыскъ въ домѣ начался съ кабинета старика Ковальскаго, которому онъ служилъ одновременно же и спальней.

Въ высшей степени корректный и тактичный старикъ съ полной готовностью отперъ всѣ ящики своего письменнаго стола, шкафы и прочія хранилища для осмотра, будучи болѣе чѣмъ увѣренъ, что ничего мало-мальски компрометирующаго у него не найдутъ. Онъ и не ошибся. Кромѣ нѣсколькихъ револьверныхъ патроновъ, случайно завалившихся у него въ ящикъ письменнаго стола, Иртеневъ ничего другого у него не нашель.

По осмотрѣ многочисленныхъ комнатъ обширнаго дома, очередь дошла, наконецъ, до спальни барышень.

Иртеневу не хотѣлось, говоря откровенно, тревожить ихъ и онъ собрался было уже покинуть домъ, какъ сопровождавшій его Кудряшевъ, тономъ, не допускавшимъ возможности возраженій со стороны Иртенева, рѣшительно напомнилъ ему о существованіи комнаты молодыхъ паненокъ, о которой онъ успѣлъ уже повывѣдать у дворецкаго.

Не буду описывать подробно всей процедуры осмотра этой въ представленіи моего героя «святая святыхъ». Бѣглый осмотръ комнаты, сопровождавшійся осмотромъ хранилищъ, не далъ никакихъ указаній о возможности допустить мысль, что прелестныя существа могутъ быть прикосновенны къ возстанію.

Иртеневъ, кстати сказать, весьма довольный неудачнымъ исходомъ своей миссіи, собрался было уже оставить комнату дѣвушекъ, какъ вниманіе Кудряшева привлекли стоявшія у окна пяльцы, прикрытыя полотнянымъ покрываломъ. Рѣшительными шагами подойдя къ нимъ, онъ откинулъ покрывало и глазамъ присутствовавшихъ открылся прекрасно вышитый цвѣтными шелками соединенный гербъ Литвы и Польши.

¹⁾ Армейскій—на языкѣ казаковъ значитъ регулярный.

Несмотря на всю силу женскаго обаянія и молящія взгляды, устремленные на Иртеневу со стороны старика и его очаровательныхъ дочерей, молодому офицеру не оставалось другого выхода, какъ арестовать всю семью, такъ какъ улики противъ нихъ были слишкомъ сильны.

Надо было видѣть отчаяніе старика и ужасъ барышень для того, чтобы нарисовать картину, способную выразить все безысходное горе, охватившее внезапно эту столь дружную и тѣсную семью.

Доставленные подъ конвоемъ въ губернской городъ, Ковальскій съ дочерьми былъ заключенъ въ ** монастырѣ, назначенномъ въ то время для содержанія политическихъ преступниковъ. Старикъ былъ помѣщенъ на мужской половинѣ, а дѣвушки — на женской, причемъ въ распоряженіе послѣднихъ была предоставлена одна камера на двухъ.

Послѣ долгихъ хлопотъ и, главнымъ образомъ, благодаря содѣйствію командира полка, въ которомъ служилъ Иртеневъ, послѣднему удалось добиться отъ коменданта разрѣшенія на свиданіе съ заключенными.

Горя желаніемъ, на сколько то было въ его силахъ, облегчить участь людей, отъ которыхъ онъ видѣлъ постоянно лишь ласку и вниманіе, Иртеневъ не могъ не сознавать въ тоже время, что эта задача ему не подъ силу. Онъ жаждалъ теперь оказать имъ хоть нравственную поддержку.

Свиданіе со старикомъ было непродолжительно, да и не къ нему, конечно, стремилась душа Иртенева. Все его существо жаждало свиданія съ дѣвушками.

Старикъ, до глубины души тронутый вниманіемъ, проявленнымъ къ нему въ эти тяжелыя для него минуты русскимъ офицеромъ, и волнуемый въ тоже время неизвѣстностью о судьбѣ дочерей, обратился къ Иртеневу съ просьбой, въ которой трудно было отказать человѣку сердца, каковымъ былъ мой герой.

Просьба старика заключалась въ желаніи написать нѣсколько успокоительныхъ словъ дочерямъ о своемъ здоровьѣ, причемъ единственнымъ возможнымъ способомъ доставить эту вѣсточку по назначенію — было прибѣгнуть къ посредству Иртенева.

Сознавая себя не въ правѣ быть передатчикомъ записокъ между заключенными, Иртеневъ тѣмъ не менѣе не въ силахъ былъ устоять

передъ искушеніемъ. Желаніе успокоить во чтобы то ни стало дѣвушекъ за участь отца взяло верхъ п... онъ согласился.

Вручивъ записку одной изъ дѣвушекъ, Иртеневъ былъ всецѣло поглощенъ бесѣдою съ другою и не замѣтилъ, что въ этотъ моментъ отворилась дверь и въ камеру вошелъ пѣхотный офицеръ, начальникъ караула при мѣстахъ заключенія политическихъ арестантовъ, съ цѣлью повѣрки заключенныхъ.

Панна Зося, съ жадностью читавшая записку, такъ растерялась отъ неожиданности, что, не желая подвести Иртенева, не нашла сдѣлать ничего лучшаго, какъ проглотить записку, сама, бѣдняжка, не сознавая того, что вмѣсто помощи она готовила ему серьезное возмездіе. Все это было дѣломъ одного момента и Иртеневъ не въ состояніи былъ ее остановить.

Словомъ, все сложилось такъ, что вошедшій пѣхотный офицеръ имѣлъ полное основаніе заподозрить Иртенева въ сообщничествѣ съ заключенными.

Спустя нѣкоторое время послѣ описаннаго, крайне непріятнаго для Иртенева, инцидента, онъ былъ вызванъ по телеграммѣ въ Вильну къ генераль-губернатору, передъ которымъ въ то время трепетало все населеніе Западнаго края.

Свершившееся событіе, какъ читатель понимаетъ, было очень серьезно. Оно грозило большими непріятностями не только самому Иртеневу, офицеру одного изъ лучшихъ и наиболѣе блестящихъ въ то время армейскихъ гусарскихъ полковъ, но и его прямому начальству.

Можете себѣ представить поэтому чувство, съ какимъ готовился молодой офицеръ, вся жизнь и служба котораго были еще, собственно говоря, впереди, къ предстоящему свиданію съ властителемъ, однимъ мановеніемъ руки котораго Иртеневъ могъ быть осужденъ на смерть.

Прибывъ въ Вильну раннимъ утромъ, Иртеневъ отправился прямо въ генераль-губернаторскій домъ. Ждать оставалось еще около двухъ часовъ. Время тянулось страшно медленно и чѣмъ ближе часовая стрѣлка приближалась къ часу, назначенному для свиданія, тѣмъ сильнѣе Иртеневъ начиналъ чувствовать, что окончательно теряетъ почву подъ ногами. Наконецъ наступила роковая минута!...

Дежурный адъютантъ, отворивъ передъ Иртеневымъ тяжелую, массивную дверь, ведущую въ кабинетъ генерала, возгласилъ: «Поручикъ Иртеневъ!»

Переступивъ порогъ двери, Иртеневъ остановился и, набравшись храбрости, отчетливымъ, громкимъ голосомъ произнесъ: «N-го гусарскаго полка поручикъ Иртеневъ является по вызову вашего . . . ства».

Не услышавъ въ первый моментъ въ отвѣтъ ни слова, Иртеневъ еще сильнѣе заволновался. Мертвячая тишина длилась всего только нѣсколько секундъ, но эти секунды показались ему вѣчностью.

Наконецъ, медленно повернувшись въ полъ оборота по направлению къ двери, около которой стоялъ офицеръ, генералъ, возвысивъ голосъ, произнесъ: «Измѣнникъ!»

Вся кровь бѣшенной волной бросилась Иртеневу въ голову и застучала въ вискахъ. Темные круги попли у него передъ глазами и, казалось, застлали собою всю комнату. Онъ ухватился за косякъ двери, чтобы не упасть и, набравши воздуха, имѣлъ еще достаточно мужества не сказать, а крикнуть: «Ваше . . . ство! Пока я ношу мундиръ моего Государя, вы не имѣете права меня оскорблять!»

Надо было видѣть рѣзкую перемѣну, происшедшую послѣ этихъ словъ съ генераломъ. Будучи въ сущности по натурѣ человѣкомъ добраго сердца, онъ тѣмъ не менѣе поставилъ себя во мнѣніи окружающихъ чрезвычайно суровымъ и неспособнымъ пожалѣть, ради долга службы и пользы Родины, даже родного отца.

Привыкнувъ къ всеобщему подобострастію, онъ до такой степени пораженъ былъ смѣлымъ крикомъ души молодого человѣка, что въ первые моменты задумался, какъ бы ища выхода изъ создавагося положенія. Наконецъ, послѣ довольно продолжительнаго молчанія, онъ подозвалъ къ себѣ Иртенева и спросилъ: «Не вашъ ли отецъ отставной полковникъ Алексѣй Александровичъ Иртеневъ, помѣщикъ N-ской губерніи?»

— Такъ точно, ваше . . . ство, это мой отецъ.

— Я слышалъ, вашъ батюшка уже скончался?

— Такъ точно, ваше . . . ство, онъ скончался полъ года тому назадъ.

Генералъ задумался и забарабанилъ рукой по столу, а затѣмъ, спустя нѣсколько секундъ, продолжалъ:

— Я зналъ хорошо вашего отца и потому не могу допустить мысли, послѣ того какъ узналъ, что вы сынъ Алексѣя Александровича, что доложенное мнѣ о вашемъ преступленіи—правда. У такого человѣка, какимъ былъ покойный, сынъ не можетъ быть измѣнникомъ Отечеству. Расскажите мнѣ какъ было дѣло, въ которомъ васъ обвиняютъ.

Почувствовавъ какъ будто гора упала у него съ плечъ, Иртеневъ чистосердечно повѣдалъ генералу всю исторію своего увлеченія и, когда дошелъ до эпизода съ передачей записки, то къ удовольствію своему замѣтилъ, что генераль уже совсѣмъ смягчился.

Искренній тонъ молодого офицера, видимо, тронулъ старика. Протягивая ему руку и показывая тѣмъ, что аудіенція окончена, генераль закончилъ:

— Я вѣрю вамъ, Иртеневъ, но дайте мнѣ слово, что вы сбросите съ себя ту излишнюю сантиментальность, которая несвойственна офицеру въ переживаемое нами теперь тяжелое время. Съ своей же стороны, чтобы помочь вамъ избавиться отъ этой сантиментальности, я назначаю васъ ординарцемъ къ себѣ и членомъ комиссіи по политическимъ преступленіямъ.

Спустя двѣ недѣли, Иртеневъ былъ прикомандированъ въ качествѣ ординарца къ Виленскому генераль-губернатору и съ этой поры въ теченіе года несъ тяжелую службу члена комиссіи по политическимъ преступленіямъ, присутствуя буквально на всѣхъ казняхъ, которыя совершались надъ повстанцами.

Вотъ какое возмездіе понесъ молодой офицеръ за проявленное имъ мягкосердіе по отношенію къ врагамъ своей Родины!

Съ окончательно издерганными нервами, Иртеневъ, по усмирении польскаго возстанія, вышелъ въ отставку и поселился въ своей деревнѣ, гдѣ судьба и столкнула меня съ нимъ.

Бар. П. В—ъ.

